

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

2 (11)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1940

В Новгороде продолжались раскопки на территории Ярославова дворища, где собиралось новгородское вече, и на расположенном рядом торгу. Важнейшими результатами является открытие на большом протяжении древнейшего в северной Европе водопровода XI в. и двух торговых рядов с хорошо сохранившимися прилавками лавок в слоях XII в. В лавках обнаружено много остатков культурных растений, несколько сортов зерновых—пшеницы, ржи, ячменя, овса, огородных—огурцов, гороха, чечевицы, плодово-ягодных—яблок и малины.

Эти находки представляют исключительное значение для изучения сельского хозяйства, сравнительно слабо освещенного летописными источниками.

В Боголюбове—резиденции князя Андрея Боголюбского—заканчивались раскопки дворцовых зданий, построенных в 1165 г. Вскрыты белокаменные фундаменты южного крыла переходов, соединявших дворцовый собор с крепостной башней. Восстанавливаемый на основе раскопок комплекс дворцовых зданий является одним из крупнейших художественных и исторических памятников XII в. В северной части был собственно дворец, соединявшийся монументальной аркадой переходов с лестничной башней и через нее с хорами собора. Далее аркада переходов выводила на замковую стену. По своему художественному историко-культурному значению Боголюбовский ансамбль не уступал лучшим постройкам средней Европы этого времени.

М. Воеводский

К исторической топографии Чуйской долины

(Из археологических работ 1939 г. в Киргизии)

В 1939 г. археологическая экспедиция Института истории материальной культуры им. акад. Н. Я. Марра и Комитета наук при СНК Кир. ССР занималась исследованием памятников в Чуйской долине и долинах рек Малого и Большого Кемина¹.

В Чуйской долине на городище Красная Речка были поставлены большие раскопочные работы. Небольшие раскопки производились на городище Ак Пешин в долине реки Чон Кемина, на городище около сел. Новороссийка и в ущелье Чон Кемина, в могильнике времени VI—IX вв. н. э. Работы 1939 г. в основном закончили составление археологической карты Чуйской долины на отрезке от гор. Фрунзе до Буамского ущелья.

Городище Красная Речка расположено в 30 км к востоку от гор. Фрунзе и начинается непосредственно с восточной околицы села. Краснореченские развалины представляют собой сложный комплекс. Бугры, окружающие городище в собственном смысле этого слова (расположенное ближе к правому берегу реки Чу), представляют собой остатки древних построек, занимающих весьма большую территорию примерно в 10—15 кв. км. Эти постройки различаются по внешним признакам и делятся на три типа. Первый тип—небольшие тепе с примыкающими к ним прямоугольными площадками, приподнятыми на два—три метра над окружающей местностью, второй тип—такие же тепе, но стоящие внутри четырехугольных укреплений, третий тип—обыкновенные, мелкого типа турткули—четыреугольные постройки, образующие кварталы в несколько таких построек, вытянутых в одну линию. В то время как первые два типа не образуют строгого плана и разбросаны в беспорядке по всей обследованной территории, третий тип построек подчинен известному плану: в противоположность первым они стоят компактно, образуя как бы одну улицу.

Само городище стоит северней этих развалин непосредственно над богатой растительностью поймой реки Чу. Городище имеет весьма сложный план. Оно обнесено двой-

¹ В работах экспедиции принимали участие: н-к экспедиции А. Н. Бернштам, Л. Г. Розина, М. В. Луппиан (сотрудники ИИМК), студенты истфака Ленинградского университета: Е. И. Агеева, И. К. Бенедиктов, Г. Л. Михельс. Фото работы вел фотограф Кир. пединститута Ф. И. Бальдерман.

налепы для черепиц китайского типа, своеобразная керамика—толстостенные сосуды в виде чаш, мелкие фрагменты штукатурки. В районе киданьского квартала наметились планы четырехугольных построек в несколько комнат, а рядом с постройкой сауз для воды.

К востоку от городища Ак Пешин, примерно в 35 км, в сел. Орловка обнаружены развалины большого поселения, большая часть которых скрыта под современными постройками. Здесь при строительных работах, прокладке шоссе, находили старую посуду и т. п. следы культурного слоя. Местоположение этих развалин в 90 км от гор. Фрунзе, т. е. в 15 фарсах от древнего города Джуля, соответствует местоположению древнего города Невакета, от которого шла дорога на Суяб. В. Бартольд предполагал,

Рис. 2. Каменное изваяние, изображающее цюрка, VIII в. Долина Малого Кемина, ущ. Далпаран.

Рис. 3. Каменное изваяние, изображающее цюрка, VIII в. Долина Малого Кемина, ущ. Далпаран.

то Суяб находился на правом берегу реки Чу, в местности Карабулак¹. Однако обследование Карабулака, долины Малого Кемина, ущелья Далпаран показало, что здесь нет никаких городских поселений. Небольшое поселение в районе Карабулака, на территории совхоза, где при строительных работах добывали обожженный кирпич, показало, что о большом поселении здесь не может быть речи. В ущелье Далпаран была обнаружена тюркского времени курганный группа с каменными бабами, какие в последнее время часто выпахивают при полевых работах. Таких каменных баб на территории совхоза им. Ильича было нами встречено три. Все они тюркского типа. Две из них в руках, сложенных на животе, держат чашу (рис. 2 и 3). Черты лица оконтурены выемками. Одно изображение сделано на камне подпрямоугольной формы, путем желобков. Лицо сделано весьма схематично и от первых двух экземпляров отличается исключительной примитивностью изображения.

Из долины Малого Кемина, через перевал Кашка Джол, прямо от конторы совхоза им. Ильича экспедиция попала в долину Большого Кемина (Чон Кемин), в сел. Новоосийка.

В одном километре к западу от сел. Новороссийка расположено огромное городище. Городище представляет собой прямоугольник, ориентированный сторонами по граням света, с длиной сторон в 500—600 м. Северная и южная стены длиннее западной

¹ В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Верный, 1898, стр. 16. Далее итируются арабские и персидские авторы по работам В. Бартольда и рукописному переводу С. Волина.

и восточной. Стены имеют башни, выступающие из стен наружу. Городище—без цитадели. Поверхность его покрыта мелкими буграми. Шурфы (два шурфа) на городище дали очень слабый культурный слой с грубой керамикой раннемусульманского типа. Среди керамики мало поливы, найдены только один чирок темнозеленой поливы и фрагменты кочевнических котлов. На другом берегу Чон-Кемина, против ущелья Тарсу, на правом берегу горной речки того же названия стоит второе укрепление, квадратное в плане, со сторонами, ориентированными по странам света. Длина сторон 200 м. Подъемный материал на Тарсуйском городище адекватен керамике из шурфов Новороссийского городища. По расспросам удалось установить, что такого типа городище находится вверх по Чон-Кемину. Вдоль оврагов, образованных горными ущельями в долине Чон-Кемина, ущелий Тарсу, Калмак ашу и др. имеются цепочки курганов сарматского типа.

К западу от Новороссийского городища в ущелье Чон-Кемина, на небольшой площадке экспедиция обнаружила тюркского времени курганник. Количество курганов,

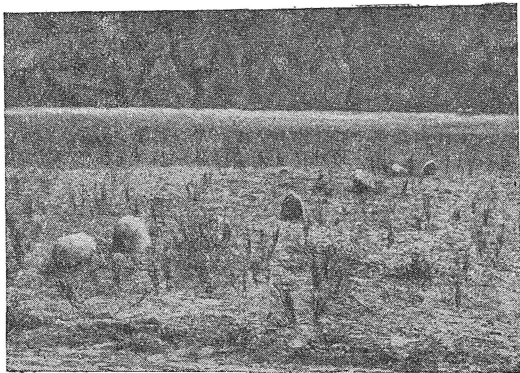

Рис. 4. Гряда каменных «балбалов» в тюркском могильнике, в ущелье Большой Кемин.

выступающих над поверхностью насыпей, сравнительно невелико, так как многие из них заплыли под обвалами нависающих над могильником гор. Вместе с тем четко прослеживаются не только каменные насыпи курганов, но и каменные выкладки над грунтовыми могилами. Наиболее замечательное явление было обнаружено около этих могил. Здесь в направлении с севера на юг тянулись от могил ряды обтесанных камней, вкопанных в землю и лишь на 10—30 см выступающих над поверхностью (рис. 4). Часть этих камней оказались каменными бабами, с изображением лиц, исполненных желобчатой техникой. На одном таком камне

было изображение мужского лица с большой окладистой бородой, исполненной в виде контура бороды, исчерченной вертикальными полосами. Часть каменных баб лежали уже выкопанными, все они—в той же желобчатой технике. Бросается в глаза разнообразный типаж на изображениях. В частности, на упоминающемся выше изображении с бородой, несомненно, пытались отобразить отнюдь не тюрка, а скорей согдийца. Следует вспомнить, что изображения, которые ставились на курганах тюрков, должны были изображать убитых врагов похороненного. Если это так, то неудивительно, что среди изображений находятся лица иранского (согдийского) происхождения.

Аналогичного типа изваяния несколько лучшей техники были обнаружены в селе Новороссийка. По технике они весьма сходны с Далпаранскими изваяниями. Изваяния эти весьма массивны, до 12—15 пудов, с руками, держащими на животе чашу, скупой, но выразительной отделкой лица и торса. На одном изваянии видны изображения серег калачиком. Находки этих изваяний ясно свидетельствуют о местонахождении здесь около села Новороссийка также тюркского могильника.

Обследование долин Малого и Большого Кемина в районах, непосредственно примыкающих к Чуйской долине, позволяет поставить ряд вопросов исторической географии в связи с теми городищами, которые были обследованы в 1939 г. к востоку от гор. Фрунзе (рис. 5).

Прежде всего остановимся на итогах раскопок Краснореченского городища. Раскопки выявили историю этого сложного комплекса поселений. Совершенно ясно, что образованию города здесь предшествовало заселение района отдельными укрепленными домами типа согдийских кешков (рис. 6). Дома имели массивные стены, сложенные из крупного сырцового кирпича и дувала, и представляли собой крепости в миниатюре. Тип постройки, план первоначального земледельческого поселения аналогичен струк-

туре поселений Хорезмского оазиса; такие дома могли быть созданы только в условиях рабовладельческого способа производства¹. О такой скученности феодальных замков не может быть и речи.

Ко времени, близкому к арабскому завоеванию, вероятнее всего не ранее VII в. т. е. ко времени увеличения здесь политической роли тюрков, начали вымирать эти

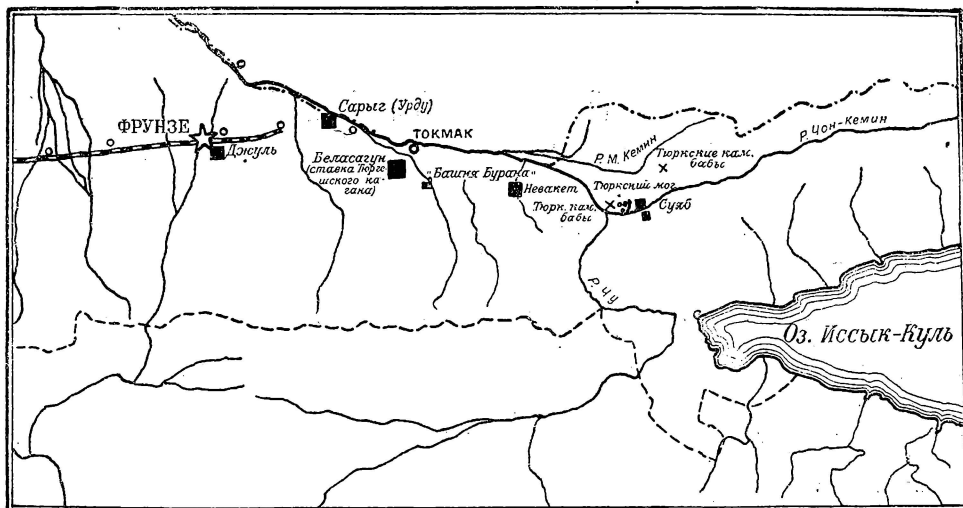

Рис. 5. Историческая карта долины р. Чу в VI—XII вв.

«кешки». Без катастрофы, постепенно они опустели за счет развития поселения городского типа—городища Красной Речки. Брошенные дома были использованы как кладбища. К этому времени, т. е. к VII—VIII вв., относятся остатки зороастрийских погребений (р. I) и образование мощного культурного слоя на городище (слой III, р. IV), характерного позднесогдийской неполивной керамикой в сочетании с тюркешскими монетами².

Однако полный свой расцвет город получает позднее, в саманидскую эпоху. К этому времени относятся слой II (р. IV), постройка с расписной штукатуркой (р. VI), возможно, начало жизни постройки II раскопа. Здесь характерными явлениями, позволяющими датировать, будут те же тюркешские монеты, бытующие при саманидах, полива, роспись по стенам, впущенные в землю постройки с кирпичными полами, резьба и штамп на неполивной керамике. Наряду с шах-ристаном развивается и рабад (р. V), образующий значительный комплекс сооружений вне стен города, датированный монетами Арслана (XI в.).

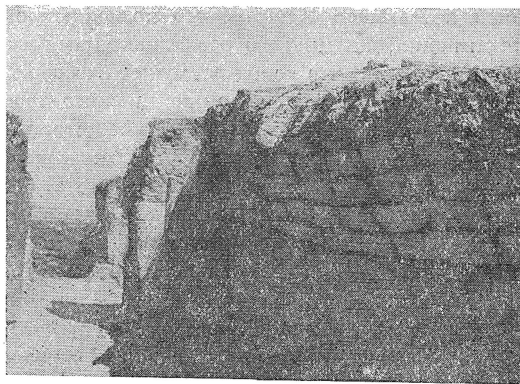

Рис. 6. Стены (и часть свода) согдийского замка V—VII вв. Городище Красная Речка.

¹ См. С. П. Толстов, Отчет о работах хорезмийской экспедиции. ВДИ, 1939, № 3.

² Среди подъемного материала имеется монета (низкопробный дирхем) типа бухархудатов с именем халифа Махди (775—785), также относящаяся к этому этапу жизни поселения. Определение мусульманских монет произведено М. Е. Массоном, которому, пользуясь случаем, выражаем свою глубокую благодарность.

Для караханидского периода большого расцвета данного поселения мы фиксировать не можем, хотя несомненно, что в эту пору город продолжает свое существование, о чем кроме культурных слоев с караханидскими монетами (слой I, р. IV) свидетельствует караханидское кладбище, в некоторых случаях перекрывающее зороастрийское (р. I, р. III). Погребения датируются как комплексом находок (янтарь, кораллы), так и саманидской монетой Насра II (932), использованной как украшение (р. III).

Палеоантропологические данные, собранные на караханидском кладбище, свидетельствуют об исключительном многообразии этнического состава населения¹. На это в известной степени указывает и факт находки согдийских и сирийских надписей², предметов с четко выраженными разнообразными идеологическими влияниями.

Естественно возникает вопрос о названии этого города. Маршрутники Кудамы и Ибн Хордадбега отмечают большое селение Сарыг, отстоящее в 4 фарсах от Баласагуна (гор. Ак Пешин) и 7 фарсах от Джуля (гор. Фрунзе). Местоположение Краснореченского городища больше всего соответствует этим расстояниям (25 км от Ак Пешина, 35 км от Джуля). Некоторая неточность расстояния от Джуля не может быть принята во внимание (на один фарсах), ибо здесь арабские географы неоднократно расходятся в своих показаниях. Более сложный вопрос возникает в связи с тем, что имя города собственно известно для IX и X вв., а затем оно исчезает. Только для начала XII в. в безымянной рукописи Муждмилъ ат-теварих имеется указание, что «в городе Салыге сидит царь Каладжур». Закономерность перехода «р»//«л» в тюркских языках вполне возможна и объяснена, но здесь, если принимать оба названия как тюркские, резко меняется значение: в одном случае это будет обозначать «желтый», во втором — форма подати.

Даже если допустить, что в XII в. город Сарыг назывался Салыг и был, вероятно, заселен тюркским племенем халаджами (от чего и произошло имя их правителя), то начиная со второй половины X в. и до начала XII в. мы не имеем в источниках упоминания этого поселения. Для нас несомненно, что город потерял свое название Сарыг в конце X в. и выступает под другим названием. Макдиси (конец X в.) и Махмуд Кашгарский (XI в.) называют около Баласагуна, к сожалению без ориентировки и указания на расстояние, город Урду, имеющий стену, ров и цитадель. Согласно описаниям Макдиси и Махмуда Кашгарского позволяют отождествлять городище Красная Речка с этим данными. Другого решения вопроса мы не находим³. Обращаем внимание на то обстоятельство, что город оставляет за собой тюркское название, несмотря на то, что конструктивно (цитадель) он согдийского происхождения. В аналогичном положении находится город Баласагун, название которого, наоборот, неизвестно для ранних эпох (IX—середина X в.) и появляется лишь в конце X в. (Макдиси). До этого времени, видимо, он существует под названием «ставка тюркешского кагана». Намеченное нами решение вопроса: Красная Речка—Сарыг—Урду; Ак Пешин—Ставка тюркешского кагана—Баласагун; Орловка—Невакет, соответствует маршрутным данным и укладывается в общую систему городов Семиречья.

Последним вопросом исторической топографии, выясненным в экспедицию 1939 г., является вопрос о Суябе. Впервые Суяб отмечается китайскими источниками для VII в., а как поселение он фигурирует главным образом с VIII в. В мусульманских источниках он отмечается авторами с середины IX в. до середины XI в., т. е. от Хордадбега до Гардизи. Суяб все время был ставкой каганов от Сюань Цзана VII в. до XI в., начиная с западных тюрков, возможно племен дулу, вплоть до тюркешей и карлуков. Суяб находился по Кудаме в 4 фарсах от Невакета и, судя по другим авторам, был в горах (Гардизи). Чтобы достичь Суяба, следовало переправиться через реку Чу. Весьма ценно показание о Суябе Сюань Цзана. Вот что он о нем сообщает: «проехав, примерно, 500 ли на

¹ По заключению антрополога Е. Жирова, среди этих черепов имеются тунгусоидные, иранские длинноголовые, тюркские и др.

² Сирийская надпись была на кирпичном надгробии, найденном на городище. А. Я. Борисову удалось здесь прочесть имя «Георгий».

³ Этим мы отрицаем имевшее место в литературе мнение, признававшее Красно-реченские развалины Баласагуном, см. «Известия Турк. отдела РГО», т. XVIII, 1924.

северо-запад от озера Цзиң-Чи (Иссык-Куль), он достиг города на реке Су-е (Чу). Этот город имеет в окружности от 6 до 7 ли; он является местом встречи купцов, приезжающих из различных государств. Почва пригодна для развития красного проса, пшеницы и винограда; садовая растительность редкая. Так как климат здесь холодный и свирепствует леденящий ветер, жители носят одежду из валяной шерсти. К западу от Су-е расположено около десятка изолированных поселений, находящихся под управлением начальников, друг от друга независимых, но подвластных тюркам¹. Нетрудно видеть из этого описания и вышеприведенных данных, что открытое экспедицией Новороссийское городище более всего можно отождествить с Суябом. Во-первых, оно отстоит от Невакета-Орловки на 30 км, что почти соответствует 4 фарсахам Кудамы и Ибн Хордабеха (других городищ в этом районе нет); во-вторых, общая длина стен Новороссийского городища равна примерно 3 км, что полностью соответствует 6—7 ли, указанных Сюань Цзаном; в-третьих, Суяб жил, судя по письменным данным, с середины VII до середины XII в., чему соответствуют культурные остатки городища; в-четвертых, по Кудаме, Суяб состоял из двух частей—Сагур Кубала и Кубала, что опять-таки соответствует городищам у Новороссийки и Тарсу; в-пятых, Суяб—не согдийского происхождения, а ставка кочевников, чему соответствует культурный слой, отсутствие цитадели и окружение тюркскими кладбищами; наконец, в-шестых, нельзя не видеть в описании климатических условий Суяба, своеобразных по сравнению с Чуйской долиной, климатических условий долины Чон Кемина, леденящий ветер которой, благодаря холодному окружению и ледникам Зайлийскому и Кунгей Алатау, испытали сами сотрудники экспедиции в конце сентября.

Как ставка кагана кочевников Суяб перестал существовать весьма рано, видимо, после разгрома карлуками в 766 г. Ставки каганов переходят на запад; они были в Невакете, Баласагуне (ставка тюркешского кагана), Урду (бывшем Сарыге).

Положение Суяба—недалеко от впадения реки Чон Кемина в реку Чу—объясняет, по-моему, и своеобразное происхождение этого названия: тюрко-согдийское *su + jab*. Река Чу была сплошь освоена согдийскими поселениями, река Чон Кемин всегда оставалась в руках кочевников-тюрков. Слияние этих двух рек повлияло и на оригинальное образование древнего названия реки Чу-Суяб, которая, выходя из ущелья в долину, несла в себе скрещенные названия тюркского и согдийского происхождения.

Знакомство с местностью дало возможность также найти один древний перевал, который вел от Иссык-Куля в Суяб. Этот перевал имеет характерное название Калмак Ашу. Известно, что термин «калмак» обычно относится местным населением к явлениям весьма древнего происхождения. Несомненно, что этим перевалом пользовались в древности для выхода из долины реки Чон Кемина. Перевал приводит к Иссык-Кулю у западного берега (ныне районный центр Балыкчи). Если считать, что Сюань Цзан прибыл к Иссык-Кулю, в район Барскаунского ущелья или Тонского городища (южный берег Иссык-Куля) и перевалил через горы до Суяба (в ставку кагана), пройдя 500 ли, то это более всего соответствует маршруту через Калмак Ашу. Этот путь тем более вероятен, что Сюань Цзан переваливал через горы, между тем как Буамское ущелье является собственно не перевалом, а ущельем.

Подводя итоги работам экспедиции 1939 г., можно сказать, что основные этапы археологической разведки в части обследования левобережья реки Чу закончены. Выявлены основные города этой области, собран материал для составления археологической карты района. Работы, проведенные за советский период² в Чуйской долине, зафиксировали памятники, относящиеся к основным историческим периодам, которые переживала долина: усуньские, тюркские, согдийские, мусульманские, каракитайские памятники старины. Результаты экспедиций, а также находки и обследования конца XIX в. (несторианские кладбища, поездка В. Бартольда) позволяют наряду с детализацией по обследованию района и продвижению работ в горные территории (Чон Кемин, Иссык-Куль, Джумгал, Нарын) поставить уже стационарные исследования, харак-

¹ Да Тан Сюйцзи, цз. 1, л. 8^b сл.

² См. статью А Тереножкина, ВДИ, 1938, № 1 (2).

тер которых можно планировать в зависимости от текущих требований исторической науки. Такими стационарными пунктами в ближайшее время должны быть городище Красная Речка, дающее богатейший материал к истории возникновения Семиреченского города, городище Ак Пешин—развалины Баласагуна, двукратной столицы Средней Азии, и, наконец, тюркский могильник Чон Кемина, который познакомит историка с кочевым населением Джетысу VI—IX вв. н. э.

А. Бернштам

О Мустьерской стоянке у Волчьего грота

Как и в прошлом году¹, раскопки 1939 г. организованы Институтом антропологии Московского университета.

Мы начали раскопки сразу с двух сторон. Прежде всего была вычищена до скалы вся площадь самой пещеры. Она оказалась пустой. Лишь в самой глубине пещеры, близ раскопанного в 1938 г. углубления в скале, было найдено несколько костей представителей ледниковой фауны, среди них—пещерного медведя. При раскопках пещеры установлено, что обычные в пещерах отложения суглинка и прочих продуктов разрушения известняка отсутствовали. Не подлежит сомнению, что пещера была вычищена раскопками К. С. Мережковского в 1879 г., охватившими всю пещеру. Учитывая же бедность собранного К. С. Мережковским материала² и, с другой стороны, его изобилие на вскрытой нами площадке перед пещерой, мы можем заключить, что самая пещера не была излюбленным местом пребывания обитателей стоянки. Объяснения этому можно искать в том, что пещера совершенно открыта северо-западным ветрам и очень плохо обогревается солнцем.

В этом году удалось установить, что основным жилищем обитателей стоянки являлась сравнительно узкая скалистая впадина прямо перед входом в пещеру. С юго-запада, со стороны открытого склона к речной долине, описываемая впадина защищена каменистым валом, имеющим высоту около 1,5 м с наружной стороны и несколько более 1 м с внутренней и состоящим из диких известняковых камней различной величины, с суглинком между ними, плотно сцементированным известью. Вал естественного происхождения. Возникновение его объясняется тем, что до этой черты доходил карниз древнего навеса, через который со склона над пещерой в течение тысячелетий скатывались камни, естественно укладываясь вдоль линии, на которую проецировался край навеса. Заключение о существовании здесь в свое время широкого и глубокого навеса подкрепляется тем, что именно между валом и стеною нам пришлось в процессе раскопок вывести огромное количество обвалочного материала в виде мелких и крупных камней (до тонны и более весом), падавших сюда с разрушавшегося навеса. Еще лет 15 назад здесь можно было видеть довольно большой навес, взорванный при постройке дер. Бештерек.

В скалистой впадине, между стеною и каменистым валом располагалось жилье Мустьерской стоянки. Весьма вероятно, что между валом и навесом мог существовать заслон из наваленных жердей, ветвей и т. п. Но даже без искусственных сооружений описанная впадина, защищенная скалистыми стенами, валом и навесом, хорошо обогреваемая солнцем, расположенная на берегу речки, являлась наилучшим естественным жильем.

Во впадине между стеной и валом обнаружены мощные (свыше 1,5 м) культурные отложения. Относительно редкие находки осколков кремня, костей и орудий свидетельствуют не о постоянном жилье человека, а лишь о посещении им стоянки время от времени. Изучены два горизонта, содержавшие скопление остатков. В этих слоях среди хаотического нагромождения крупных костей мамонта—бивней, челюстей, лопаток, тазовых и длинных костей и т. д.—в огромном количестве лежали более мелкие кости мамонта и других животных и их осколки. Среди костей в нескольких пунктах зафиксиро-

¹ О. Н. Бадер, Крупнейшая мустьерская стоянка у Волчьего Грота в Крыму. ВДИ, 1939, № 1.

² Так, в 1879 г. было найдено всего два законченных орудия.

А К А Д Е М И Я Н А У К С О Ю З А С С Р

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

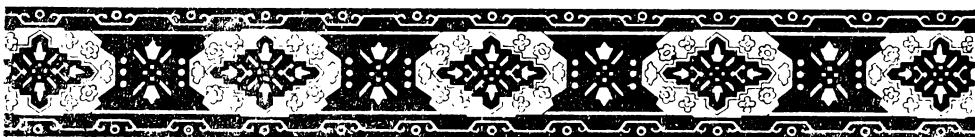

2(20)

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1947 • ЛЕНИНГРАД

А. Н. Бернштам

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

I. Основные этапы изучения¹

Исследование Восточного Туркестана неразрывно связано с русской наукой. Достаточно напомнить имя Чокана Валиханова, с которым связано первое путешествие в северный Синьцзян 1858—1859 гг. в оазисы Кашгар и Ташмалык². Произведенные Чоканом Валихановым наблюдения исторического и этнографического характера по своей глубине и важности выводов стоят несравненно выше, чем более знаменитые и впоследствии переведенные на русский язык работы о Синьцзяне Шау (Shaw) 1868—1869 гг. и Беллью, описавшей миссию Форсайта 1870 и 1873 гг.³

Если представитель русской науки начал экспедиционное обследование Синьцзяна в историко-этнографическом отношении, то русским принадлежит и честь первого специально историко-археологического изучения Синьцзяна. В развитии этой отрасли исторического знания роль русского консула в Кашгаре Н. Ф. Петровского вряд ли может быть оспорена.

Ольденбург вскоре после смерти Н. Петровского в 1908 г. писал: «Ко времени его поселения в Кашгаре (1862 г.—А. Б.) мало было еще известно о древностях в Китайском Туркестане; существовали только отдельные случайные заметки членов миссии сэра Д. Форсайта и некоторых других англичан, главным образом относительно Хотана; ими же были вывезены отдельные предметы древности. Были, наконец, литературные упоминания о памятниках старины в Западном Китае, но никем еще не была сделана попытка начать систематическое собирание древностей и исследование того, что еще осталось в стране от прежних культур. Николаю Федоровичу Петровскому принадлежит громадная заслуга

¹ Настоящий раздел статьи ставит целью дать только вехи историко-археологического изучения Восточного Туркестана и, следовательно, не претендует ни на полноту перечисления имен, ни, тем более, на исчерпывающую библиографию. Это заманчивое предприятие может (и должно) стать предметом специального исследования, имеющего большое научное и политическое значение. Попыток такого типа, кроме кратких упоминаний в работе В. Бартольда («История изучения Востока в Европе и России», СПб., 1911, 2 изд., Ленинград, 1926), в европейской литературе не было.

² Роберт Шау, Очерки верхней Татарии, Яркенда и Кашгара, СПб., 1872.

³ Беллью, Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873—74 гг., СПб., 1877.

в этом деле: он первый, насколько ему только позволяли его сложные и трудные задачи по Кашгарскому консульству, стал последовательно собирать все относящееся к прошлому края¹.

Если Боуэр (Bower) в Шах-яре к югу от Кучи в 1890 г. первый открыл санскритскую рукопись на березовой коре, чем обратил внимание западно-европейской науки на историю домусульманского Синьцзяна², то Н. Ф. Петровский не только начал на восемь лет раньше собирание археологических коллекций, но и, в связи с археологическими памятниками, начал ставить ряд историко-культурных проблем, не потерявших значение по сей день. И, наконец, если в Западной Европе появилась первая сводная компиляция об истории Синьцзяна в многотомном предприятии Риттера, то несравненно выше этого труда стояли комментарии к русскому переводу соответствующих частей «Землеведения», исполненные в 1869—1873 гг. В. В. Григорьевым³.

Стремление к историческому исследованию Синьцзяна породило первую русскую (в серии многочисленных последующих европейских экспедиций) специальную экспедицию 1898 г. Д. Клеменца в Турфан, не говоря о предшествующих сборах исторических материалов Регелем, Куропаткиным, Зеланд, Корниловым и братьями Грумм-Гржимайло.

Экспедиция Д. Клеменца начала научную линию в исследовании Восточного Туркестана.

Успехи русской науки в изучении Восточного Туркестана, получившие всеобщее признание⁴, определили то ведущее значение, которое признавалось западноевропейской наукой за русским комитетом в международном Союзе ученых по изучению Средней и Центральной Азии, созданном в начале XX в. Русский комитет был признан центральным.

По стопам русских исследователей развернулся блестящий научный поход в Восточный Туркестан английских, французских, немецких, итальянских и японских исследователей в первые два десятилетия XX в. Продолжали свои экспедиции и русские ученые.

Так, в 1900 г. начинает свою деятельность Aurel Stein, наиболее разносторонний исследователь Восточного Туркестана. Достоинство работ А. Стейна заключается не только в широком территориальном охвате его экспедициями оазисов Туркестана, но и в установлении историко-культурных связей Синьцзяна с Китаем, Индией и Афганистаном. Широкий и разнообразный интерес А. Стейна к историко-культурным проблемам Туркестана четко выражен разнообразными исследовательскими сюжетами в его фундаментальных трудах-отчетах. Здесь и вопросы истории, исторической географии, истории культуры, искусства и религии, нумизматики, языка и общих вопросов филологии и, наконец, постановка ряда специальных вопросов археологии. Археологический диапазон исследований А. Стейна—от неолита Лобнора («палеолитическая оккупация Такла-Макан») до этнографических зарисовок современного насе-

¹ Сергей О ль д е н б у р г, Памяти Николая Федоровича Петровского, 1873—1908 гг., ЗВО, т. XX, вып. 1, стр. 5.

² См. «Proceedings of the Asiatic Society of Bengal», ноябрь 1890, апрель 1891, а также «Journal of the Asiatic Society of Bengal», т. LXVI, 1897, ч. 1, (ср. 1893, ч. 1) со статьями R. Hoernle (ср. его публикацию коллекций археологических находок из Синьцзяна в JASB, 1899).

³ Восточный или Китайский Туркестан, вып. 1, СПб., 1869; вып. II, СПб., 1873. «Petermans Mitteilungen», 1879, Н. 10, 11; 1880, Н. 6; 1881, Н. 10; «Jahresberichte d. K. Friedrich-Alexanders Universität», Erlangen, 1911/12, стр. 4; отчет Д. Клеменца в статье D. Klementz und W. Radloff, Nachrichten über die von der Kais. Akad. d. Wiss. z. Petersburg im Jahre 1898 ausgeführte Expedition nach Turfan, Petersburg, 1899; С. Ф. О ль д е н б у р г, Экспедиция Д. А. Клеменца в Турфан в 1898 г. «Изв. ВГОРГО», т. 45, Иркутск, 1917.

ления Сарыкола и Алтай. Большой и высококвалифицированный, международный по своему составу, коллектив, участвовавший в обработке материалов А. Стейна, обеспечил установление ряда решающих моментов в истории Восточного Туркестана. Напомним, например, имена Э. Шаванна и Лионеля Джайлса (синология), Готье, Райхельта, Андреаса (согдийские документы), Сигл и Сигелинга, Конова, Людерса, Байлея, Сильвана Леви, Гернле, Байера, Рапсона, Сенара (сакские и тохарские тексты), Томсена, Мюллера (древнетюркские и уйгурские документы), Томаса (тибетские), Алана (нумизматика), Эньдрюса (историческая технология) и многие другие.

Этот коллектив и обеспечил, если не всегда решение, то часто постановку важнейших историко-культурных проблем, прежде всего в силу личных исторических интересов руководителя экспедиции А. Стейна.

В 1900—1901 гг. А. Стейн проводит экспедицию в Хотан¹, в 1906—1908 гг. он проводит второе и третье путешествие по всему Восточному Туркестану от Дунь-Хуана до Турфана, результаты которого изложены в его знаменитой Сериндии². В 1913—1916 гг. он дополняет свои исследования обследованием китайского лimesа³.

О связи исследований Туркестана А. Стейна с сопредельными странами—Китаем, Индией, Афганистаном и Ираном—свидетельствует ряд предпринятых им путешествий, начиная с путешествия 1904—1905 гг. в северо-западной Индии и Белуджистане⁴ вплоть до путешествия 1927—1928 гг. по Индии, нашедшее свое отражение в двух томах «Записок археологической съемки в Индии»⁵.

Интересуясь в последние годы вопросами истории культуры в Иране в его взаимосвязи с Индией, А. Стейн публикует итоги своих последних наблюдений в работе, посвященной археологии северо-западной Индии и юго-восточного Ирана от халколита вплоть до развитого средневековья⁶.

Продолжая и углубляя свои исследования к северо-востоку, Стейн подошел к связям Афганистана с большим культурным миром «Сериндии», т. е. Туркестана в Индии, но, не завершив своих огромных и плодотворных трудов, скончался в г. Кабуле в 1942 г., уже во время Великой Отечественной войны.

А. Стейн завоевал несомненное первенство в накоплении разнообразного материала, обогатившего Британский музей в Лондоне и музеи Индии. Однако в его исторических концепциях выявляется несколько одностороннее преувеличение роли Индии и ее культуры в культуре Туркестана. Не получили и должной археологической классификации многочисленные памятники материальной культуры, которым он посвящал гораздо больше внимания, чем все остальные исследователи.

По количеству исследований и охвату тематики после Стейна следует отметить работы Лекока и Грюнведела. Грюнведел в 1902—1903 гг.

¹ «Ancient Khotan», тт. I и II; см. также его «Sand-Buried Ruins of Khotan» London, 1903; см. предварительные отчеты в JRAS, 1901, апрель—июль.

² «Serindia», тт. I—V, Oxford, 1921; см. также его «Innermost Asia», тт. I—V, Oxford, 1928.

³ «Ruins of desert Cathay», London, 1912; см. также «A third Journey of Exploration in Central Asia 1913—1916» в «The Geographical Journal», 1916, aug. ser. Краткое описание путешествий см. в сжатом изложении в отдельной книге «In Ancient Central Asia Tracks», London, 1933.

⁴ См. «Report of Archaeological Survey Work in the North-West Frontier Province and Baluchistan», Peshaver, 1905.

⁵ «Memoirs of the Archaeological Survey of India», 1930, № 42; «An Archaeological tour in Upper Swat and Adjacent Hill Tracts, 1931, № 43; «An Archaeological tour in Gedrosia».

⁶ «Archaeological reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran», London, 1937.

обследует оазис Турфана¹. Лекок, продолжая работы Грюнведеля, в 1904—1905 гг. обследует Турфан и продолжает свой маршрут в сторону Хами². В годы 1906—1907 А. Грюнведель и Лекок исследуют фрески в Турфанском оазисе, а также в Куче, Карашаре и Комуле, причем результаты их обследования Кучара были опубликованы Грюнведелем только в 1920 г.³ В этой экспедиции Лекок в 1906 г. обследует оазисы Кок Яр (3-я немецкая экспедиция⁴), а Грюнведель в 1906—1907 гг. продолжает обследование буддийских фресок в Безекике и других памятниках Турфана⁵, а также в Карашаре.

Четвертая немецкая экспедиция (и последняя) накануне первой империалистической войны была проведена Лекоком в 1913 г. и была посвящена, главным образом, оазису Хочжо и Марал-баши⁶.

Из сказанного явствует, что четыре немецкие экспедиции занимались северной частью Туркестана, в то время как юг, по выражению Гайгера, оставался «доменом» А. Стейна.

А. Грюнведель был искусствоведом, занимаясь главным образом стилистическими компонентами восточно-туркестанской фрески⁷ и архитектурой буддийских монастырей, в чем подвизались многие последователи, например Георг Каро и Вальдшмит⁸. Интересы Лекока были более широкими. Лекок выступает не только как незаурядный искусствовед, издавший, в частности, великолепную серию «Буддийский поздний антик в Средней Азии» в шести выпусках in folio⁹. Он освещает и проблемы античного наследия не только в буддийской фреске манихейской и уйгурской школ, но во всем многообразии памятников материальной культуры, как непосредственно через греко-бактрийское государство и эллинистические влияния, так и через поздние реплики гандарского искусства¹⁰.

Наконец, следует указать на работы Лекока по тюркологии в широком смысле этого слова, главным образом, в области уйгуристики и отчасти этнографии, представленные прежде всего в его переводах манихейских текстов¹¹, и в его научно-популярной книге о «стране и людях Восточного Туркестана»¹².

Немало положили труда в публикации тюркских текстов Мюллер

¹ «Первая немецкая экспедиция» — о работах в Турфане (Индикутшари) см. «Bericht über archäologische Arbeiten in Indikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München, 1905.

² См. его «Auf Hellas Spuren in Ost-Turkestan», 1926 (Отчет о 2-й и 3-й немецких экспедициях).

³ См. его «Alt-Kutscha», 1920 г. Экспедиция Грюнведеля носила название «3-й немецкой экспедиции», см. его «Die archäologischen Ergebnisse der Turfan Expedition», Z. E., вып. 6, 1909.

⁴ См. «Auf Hellas Spuren...»

⁵ См. его «Altbuddhistische Kultstätten in Chinesischen Turkistan», Berlin, 1912.

⁶ См. роскошное издание замечательных фресок Хочжо в специальном многокрасочном атласе in folio, «Chotscho», Berlin.

⁷ См. его статью «Краткие заметки о буддийском искусстве Турфана» в ЗВО РАО, т. XVIII.

⁸ Georg Karo, Die Kunst von Ost-Turkestan, ZDMG. 79, Neue Folge, t. IV, r. IV, 1925, стр. 136—149. Работы Вальдшмита (Waldschmit): «Die Buddhistische Späntike in Mittelasien», t. V.; его же «Gandhara, Kutscha, Turfan, Eine Einführung in die frühmittelalterliche Kunst Zentralasiens», Leipzig, 1925.

⁹ «Die Buddhistische Späntike Mittelasiens», Berlin, 1922—1926.

¹⁰ См., например, «Auf Hellas Spuren in Ostturkestan», 1926 г., а также в его известной работе «Bilderatlas zur Kunst und Kulturgeschichte Mittelasiens», Berlin, 1925.

¹¹ «Turkische Manichaica aus Chotscho» (три выпуска) 1912, 1919, 1922 (издавались Ирусской Академией Наук).

¹² «Von Land und Leuten in Ost-Turkestan», Leipzig, 1928.

и Банг со своими учениками (Рахмати), иранских—Андреас, китайских—Франке, Габаин¹.

Экспедиции французов были направлены главным образом в сторону исследования связей Туркестана с китайской цивилизацией, причем в решении этих проблем наибольшее значение имели археологическая миссия Эдуарда Шаванна в северо-западный Китай (провинция Сычуань и Хэнань)² и экспедиция Поля Пелльо 1906—1909 гг. в Дунь-Хуан³.

Работы Поля Пелльо, связанные с изучением истории, филологии языков и т. п. Туркестана, исключительно обильны. Он занимается интенсивно публикацией текстов и переводами с блестящим всесторонним комментарием китайских, тюркских, тибетских и монгольских источников. В каждой своей статье, заметке и рецензии Поль Пелльо публикует огромный фактический материал по самым различным вопросам истории культуры народов Восточного Туркестана⁴.

Не оставляет свою деятельность в Туркестане русская наука. Продолжая наблюдения Клеменца, в 1906 г. Березовский занимается копированием фресок Турфана и собирает новые документы языка I, заканчивая подготовительные работы для большой экспедиции С. Ф. Ольденбурга, два раза (1909—1910 гг., 1914—1915 гг.) работавшей в Туркестане, в первом случае на юге, во втором—на севере этого замечательного края⁵.

Существенной чертой русских экспедиций под руководством С. Ф. Ольденбурга было бережное и любовное отношение к памятникам Туркестана и сведение к минимуму разрушений буддийских храмов, чем, например, не могут похвастаться его предшественники и, прежде всего, немецкие экспедиции.

С работами русских ученых в Туркестане связаны поездки 1909—1911 и 1913—1915 гг. С. Е. Малова, посвященные задачам исследования уйгурского народа. С. Малов и его учитель академик В. В. Радлов, а также Розенберг и Залеман, принимают активное участие в обработке материалов русских экспедиций и, прежде всего, сборов Ольденбурга и Малова.

В отличие от вышеперечисленных экспедиций не оставили после себя значительных следов экспедиции: финская японская и итальянская, оставшиеся в пределах узко собирательских интересов⁶.

Японская экспедиция 1908—1909 гг., организованная буддийской сектой Ниши Хонгванжи, была возглавлена графом Отани и ставила перед собой целью изучение истории буддизма. В коллекциях этой экспедиции для нас наибольший интерес имеют собрания уйгурских документов, в изучении которых больше всего подвизался Тору Ханеда⁷.

¹ Как правило, работы печатались в протоколах Прусской Академии Наук: Мюллер в серии статей «Uigurica», Банг и Габаин в серии «Turkische Turfan-Texte». В тех же «Sitzungsberichte» печатался и Андреас.

² См. Ed. Chavannes, *Mission Archéologique dans la Chine Septentrionale*, Paris, 1915.

³ Библиография публикаций Пелльо (в журналах «Journal Asiatique», «T'oung Pao» и др.), связанных с результатами его экспедиции 1906—1909 гг., когда ему удалось открыть богатейшее собрание рукописей в одной из пещер Дунь-Хуана, составила бы, пожалуй, солидную книгу. Мы здесь укажем на одну его публикацию, имеющую особое значение для историко-археологических исследований, а именно «Les Grottes de Touen Houang», Paris, 1920.

⁴ См., например, Ed. Chavannes et P. Pelliot, *Un Traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté*, «Journal Asiatique», 1911—1913.

⁵ С. Ф. Ольденбург, *Русская Туркестанская экспедиция 1909—1910* СПб., 1914.

⁶ См. «Some Buddhist fragments from Chinese Turkistan in Sanskrit and «Khotanese», «Journal de la Société finno-ougrienne», XXX.

⁷ BEFEO, 1909; ср. также BEFEO, т. X, 1910, стр. 651—654. Интересующие нас проблемы отражены в статье Tôru Haneda, *A propos d'un texte fragmentaire de pierre manichéenne en ouïgour provenant de Turfan*, Tokyo, 1932.

Итак, в первые два десятилетия XX в. были собраны колоссальные материалы по разным сторонам истории и культуры Восточного Туркестана, был поставлен ряд кардинальных вопросов его исторического развития и международных связей. Русская наука поставила серьезней всех проблему связей народов Восточного Туркестана с историей народов Средней Азии (трудами прежде всего В. В. Бартольда¹) как в домусульманский, так и в мусульманский периоды; далее, русская наука занялась изучением этнографии и фольклора уйгурского народа—аборигенов Туркестана, роль которых в создании высокой культуры Восточного Туркестана за плотной завесой международных влияний подчас оставалась в тени.

В актив русской и советской науки следует поставить также блестящие исследования П. Козловым древнего города Хара-Хото в 1907—1909 гг., где был найден культурный стык Восточного Туркестана с Монголией и Китаем², подобно тому как открытия Ядринцева 1889 г. и экспедиция В. Радлова 1891 г. в Монголию с последующими исследованиями востоковедов установили пути тюркского воздействия, в частности, на Восточный Туркестан³.

Из сказанного становится ясным не только удельный вес роли ученых нашей страны в изучении Туркестана (хотя мы привели далеко не полный список трудов)⁴. Вместе с тем вырисовываются исторические проблемы, которые стоят перед советским востоковедением. Формулировке этих проблем мы и посвятим свое дальнейшее изложение, сосредоточивая внимание главным образом на историко-археологических проблемах. В настоящей статье мы оставляем вне нашего внимания и вопросы позднего средневековья и нового времени, т. е. время после XV в.

II. О генезисе историко-культурных особенностей Восточного Туркестана

То, что А. Стейн называл «палеолитической оккупацией» пустыни Такла-Макан, судя по инвентарю находок, принадлежит к неолитическому возрасту, если даже не более молодому. Тип кремневых орудий со сплошь

¹ Например его работы: «Хафизии Абру и его сочинения» в сборнике «Аль Музаффарийя» (сборник статей учеников проф. Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13 XI—1872 г.), СПб., 1897; «К вопросу об языках согдийском и тохарском», сб. «Иран», Л., 1926; предисловие к изданию рукописи Худут-ал-Алам, получившее свое развитие в труде V. Minorsky, «Hudud al Alam», GMS, New Series, London, 1937.

Вопросами средневековых княжеств в Восточном Туркестане занимался А. Ю. Якубовский; взаимоотношением культуры Восточного Туркестана с культурой народов Средней Азии интересовались многие авторы, например, С. Толстов («Хорезмийский всадник» в «Кратких сообщениях ИИМК», № 1); А. Бернштам («Согдийская колонизация Семиречья», там же. № 6); Н. Пигулевская («Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана» в «Советском Востоковедении», № 1); Ф. Розенберг («О согдийцах» в «Записках Коллегии востоковедов», № 1; Согдийские «старые письма», «К ранней истории согдийских колоний Центральной Азии», ИАН, 1932, № 5) и т. д.

² П. Козлов, Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото, М.—Л., 1923.

³ Литературу вопроса о древних тюрках см. в нашей работе «Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрков», М.—Л., 1946.

⁴ Укажу, например, что переводы китайских источников досунской эпохи об оазисах Восточного Туркестана во всей их полноте впервые были даны И. Бичуриным, а повторный перевод Шаванна был сделан по инициативе русской науки и также опубликован в России в серии «Сборник трудов Орхонской экспедиции» шестым выпуском.

По сравнению с переводами И. Бичурина значение пересказов Юлиуса Клапрота («Tableaux historiques de l'Asie», Paris, 1925) или выборки Абея Ремюза о Хотане («Histoire de la ville de Khotan», Paris, 1920) невелико.

фасеточным сколом поверхности орудия и частичной (по лезвию) или сплошной шлифовкой поверхности дает нам к этому основания¹.

Однако, в отличие от микролитической индустрии окружающих районов, этот комплекс каменных орудий указывает на южные связи, уводящие в область китайского «триполья», культур типа Янь-шао или более поздней Чэнцзыяй, связанных с земледельческой культурой древнего Китая, его северо-западных областей².

Наряду с этим в песчаных выдувах Такла-Макан, по северной и восточной ее границам, известны единичные пока находки микролитовидных орудий, органически входящих в круг памятников степного неолита и ранней бронзы, наиболее мощные и ближайшие очаги которых отмечены в Ордосе³ и Монголии, а также в других степных местах, прежде всего в Казахстане⁴.

Сопоставляя небольшое количество памятников этой эпохи, приведенных в основном Стейном, с ближайшими очагами земледельческой культуры в Иране и Средней Азии на севере и северо-западе и китайскими культурами на юге, мы можем пока указать на явные аналогии с обществами пастушеского типа, в то время как круг культурных остатков древнеземледельческой культуры и ее расписной керамики начисто отсутствует, что лишает нас возможности ставить вопросы генетического порядка. Одно несомненно, что культура эта, во всяком случае на юге Восточного Туркестана, есть, но до сих пор не выявлена. Для эпохи бронзы положение по существу не изменяется, несколько иначе складывается положение для раннескифского времени.

Хотя скифского типа курганы Стейн не раскапывал, но им было собрано большое количество наконечников стрел в различных местах Туркестана—в оазисах Хотан, Иоткан, Ния, Керия, Эндере⁵, на севере в Кучаре и др., т. е. в областях, сопряженных с предгорьями Тяньшаня, Гиндукуша и Куэньлуня, а также по отрогам Алтын Тага вплоть до Лобнора⁶. Впрочем, находки скифских стрел тянутся и вдоль всего лимеса на восток.

Наряду со стрелами в районе Кучара Стейн отметил и ряд других скифского цикла вещей, как, например, часть удила, характерные бронзовые пряжки с овальной рамкой без язычка на трапециевидном ажурном основании и шипом на овале. У Лобнора были найдены фрагменты сероглиняной керамики с орнаментом-насечкой в виде елочки, восходящей к андропо-карасукским формам керамики эпохи бронзы, и скифоидного облика кинжал⁷.

Находки скифского типа стрел, так же как и других вещей этого цикла, вкупе с памятниками предшествующей эпохи, с которыми связана скифская культура, тяготеют к предгорьям и примыкающим к ним оазисам. Эта локализация находок дала нам основание для аналогии в распределении памятников сакской культуры по Тяньшаню и его отрогам, изученных нами на этой территории экспедициями 1933—1945 гг. Вещи скифского облика в Восточном Туркестане делятся явно на две группы. В отли-

¹ A. Stein, *Innermost Asia*, Oxford, 1928, т. I, стр. 85—86, табл. XXIII

² Библиографию см. в сб. «Китай», М.—Л., 1940, стр. 492—493.

³ N. Egami и S. Mizuno, *Inner Mongolia and the region of the Great Wall*, Tokyo-Kyoto, 1935, «Archaeologia Orientalis», ser. B. t. I; ср. сб. «Северная Монголия», II, Л., 1926.

⁴ Большой материал из этих районов, как правило, не издан. Хранится в музеях Алма-Аты и Фрунзе.

⁵ A. Stein, *Ancient Chotan*, табл. LXXXVIII.

⁶ A. Stein, *Innermost Asia*, т. I, табл. XXIII.

⁷ A. Stein, *Innermost Asia*, т. I, табл. XXIII.

чие от Тяньшаньских стрел, стрелы Восточного Туркестана, из района Алтын-Тага—Хотана, все в основном трехперые, в то время как стрелы Тяньшаня в основном пластинчатые (в обоих случаях стрелы втульчатые). Можно эти различия рассматривать как хронологические (пластинчатые более древни, чем ребристые), но предпочтительнее их считать не только хронологическими, но и территориально-этническими, ибо и на Тяньшане и в Алтын-Таге—Хотане встречаются, хотя в несравненно меньшем количестве, стрелы менее характерного для данного района типа. Эти различия подтверждаются и данными письменных китайских источников. Согласно данным этих источников, племена, принадлежащие к группе сакоусуньского круга (по характеру хозяйственной деятельности), делятся на две ясно выраженные группы.

Первая группа расположена в областях Алтын—Тага—Хотана и Яркенда. Это племена Сие (Юлэрэк), Пули (Сарлак), Инай (Ингасар), восходящие к кругу тибетских кочевых племен. Вот что по поводу этих племен сообщает история старшей династии Хань: «Жители владений Пули, Инай и Улэй—одного племени с сиецами, а сиецы не тюркского происхождения, но ближе подходят к цянам и ди и составляют кочевое владение: комментарий Шы-гу: «не имеют оседлости». Переходят со скотом с места на место, там, где вода и трава» (Цяньханышу, гл. 96а, л. 9а). На границе северной группой племен располагались кочевники Улэй (Арачул), которых китайцы рассматривают как «полуцянов», «полусэсцов», т. е. полутибетцев-полусаков¹.

Севернее их расположена группа племен, которых китайцы прямо связывают с древними саками, утверждая, что их обычай сходен с обычаями племен усуней. Это племена хюсюнь, гюаньду, кочевники области Гибинь (Кашмир); кроме того, отмечаются племена уш в долине Юйту (Алай) (ЦХШ, л. 20а). Цяньханышу говорит: «когда сюнну разбили даюечжи, то даюечжи заняли на западе государство Дася, а сакский владетель занял на юге государство Гибинь. Сакские племена живут среди них (среди жителей Гибинь) отдельными группами и больше под зависимостью других племен. От Сулэ (Кашгара) на северо-западе Хюсюнь и Гюаньду—потомки «древних саков» (гл. 96а, л. 10б).

О племенах хюсюнь говорится, что «народные обычаи и одежда» (мин су и) сходны с усуньскими. Они кочуют со своим скотом «там, где вода и трава, (они являются) племенем (чжун) древних саков» (гл. 96а, л. 19а.). Совершенно аналогично сообщение о племенах гюаньду, о которых, кроме того, еще сказано, что они смежны с усунями (л. 19б).

Как показывает китайская география, племена кочевников расположены от Тяньшане-Алая вплоть до Тибета по отрогам Гиндукуша. На участке Яркенд—Хотан намечаются границы их различий этнического порядка. Эти различия несомненны. Если на Тяньшане-Алае сакская культура повсеместно продолжается в культуре усуней—исседонов, то в Восточном Туркестане черты усуньской культуры выступают только в отдельных районах, например у Лобнора². Более тесные связи с Тяньшанем по археологическому материалу выявляются в севернотаримских оазисах, особенно в Кучарском, возле которого издавна обитали кочевники («задние чешы»), родственные обитателям Тяньшаня и, быть может, кроме Кучара, населявшие также и долину Большого Юлдуза вплоть до оз. Баркуль (Цяньханышу, гл. 96б).

¹ «Одежда сходна с усуньской, обычаи с юлэрэк одинаковы», ЦХШ 96а, л. 10а.

² См., например, сосуды сако-усуньского типа, воспроизведенные А. Stein, «Innermost Asia», Oxford, 1928, т. III, табл. XXIX.

Таким образом, пока еще фрагментарный археологический материал в свете письменных источников показывает, что север и запад Туркестана этнически и по культуре связан с обитателями древнего Тяньшаня. Острова этих этнически родственных племен прощупываются по Алтын-Тагу и особенно у Лобнора.

Результаты исследования древней скотоводческой культуры Тяньшаня показали, в свою очередь, ее связанность с южносибирским кругом племен, во всяком случае с эпохой средней и поздней бронзы, о чем говорит не только весь комплекс обнаруженных памятников, но прежде всего андроновского типа погребения и их инвентарь, раскопанные нами в долине Арпа в 1944—45 гг.¹

Учитывая, что характерные черты этого круга племен (эпоха бронзы, саков и усуней), связанные с мощными союзами племен Алтая, Казахстана и Киргизии, постепенно утрачиваются по мере продвижения к южным областям Восточного Туркестана и, наоборот, ярче выступают на севере, можно сделать первый вывод: в племенном составе Восточного Туркестана I тысячелетия до н. э. доминирующим компонентом было население, ведущее свое происхождение от среднеазиатских (точнее — семиреченских) племен.

Надо отметить, что культура саков проникла глубже в центр Восточного Туркестана и даже на юг, чем культура их продолжателей — усуней. Объясняется это, во-первых, наступлением китайской цивилизации по пути лимеса и, во-вторых (и это главное), фактом активного воздействия гуннского племенного союза из Монголии, постепенно охватившего (с середины I в. до н. э.) и области Тяньшаня и воспрепятствовавшего усуньскому культурному воздействию с севера на юг, направив его на запад (Фергана и Шаш). Гуннское вторжение в пределы Восточного Туркестана также преградило китайское влияние, идущее с юга на север.

Столкновение китайской культуры и гуннской экспансии ярче всего выступило по материалам раскопок А. Стейна в районе Лоулани у Лобнора². Здесь черты китайской культуры, синтезируясь с культурой кочевников, создали индивидуальный облик культуры Лоулани. Однако эти черты гунно-китайской культуры Лоулани оказались блестяще представленными и на Тяньшане, что следует из наших раскопок Кенкольского могильника в долине р. Талас³ и могильника в долине Арпа на Тяньшане⁴. Сходство обнаруживается не только в памятниках материальной культуры, но даже в расовом типе, что было отмечено Е. Жировым и В. Гинзбургом⁵. Влияние гуннов сказалось в проникновении элементов их культуры даже в северный Тибет, что показано раскопками Ю. Рериха⁶.

Ввиду того, что с середины I в. до н. э. и до начала II в. н. э. Тяньшань не только оказался в сфере влияния гуннов, но стал их основной территорией после изгнания гуннов из Монголии⁷, наличие черт сходства

¹ «Археологические контуры Тяньшаня и Алая», «Известия КирФАН», вып. 2—3, Фрунзе, 1945.

² В основном результаты раскопок опубликованы им в труде «Innermost Asia».

³ А. Н. Бернштам, Кенкольский могильник, «Археологические экспедиции Эрмитажа», вып. II, Л., 1940.

⁴ «Археологические контуры Тяньшаня и Алая», «Известия КирФАН», вып. 2—3, 1945.

⁵ См. статью Е. Жирова, Об искусственной деформации головы, КС ИИМК, VII, стр. 85. Специальная работа Е. Жирова и В. Гинзбурга не опубликована.

⁶ Ю. Н. Рерих, Звериный стиль у кочевников Северного Тибета, Прага, 1930.

⁷ Этому неоднократно мы касались в ряде работ. См., например, Хуханье и Чжичжи шаньюй. Из истории гуннов I в. до н. э., «Советское Востоковедение», I; Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1931 и др.

между культурами Восточного Туркестана и Тяньшаня вполне объяснимо. Таким образом, гуннское завоевание Восточного Туркестана и Тяньшаня, засвидетельствованное археологическими данными и письменными китайскими источниками, было вторым этапом в образовании общей этнической среды Восточного Туркестана и Тяньшаня.

Процесс гуннского воздействия способствовал прежде туркизации племен севернотаримских оазисов—гоаюй, предков уйгур, от оазисов Кашгар (Суля) до Кучара (Гуйцы). Также и в Семиречье в результате гуннского влияния складываются тюркоязычные племена типа юебань.

Гуннский период в Восточном Туркестане и в Семиречье, прежде всего на Тяньшане, способствовал дальнейшему сближению культур обеих территорий и единству этногенеза.

Наряду с этим еще с конца III в. до н. э. в Восточном Туркестане складываются и свои локальные различия, связанные с этническими массами, не имеющими ничего общего с материальной культурой Тяньшаня и предгорий Восточного Туркестана этой эпохи. Это две группы жителей оседлых оазисов, четко различающихся по своей материальной культуре. Первую группу составляют земледельческие оазисы по широте Хотан-Миран, т. е. по всему Алтын-Тагу, по южной оконечности пустыни Такла-Макан, а именно: Хотан, Иоткан, Раван, Дандан-Ойлык, Кара-Донг, Керия, Хадалык, Ния, Энд-ре, Черен, Чарклык, Миран.

Группа этих оазисов явилась носительницей особой земледельческой культуры, представленной так наз. «сакскими» документами, писанными шрифтом каошты на одном из индоиранских языков, носящим условное название «язык II».

В области материальной культуры оазисы этого района носят на себе явные черты древнеиранской культуры с сильными проявлениями античных традиций и индийских влияний. Особенно это ярко сказывается в находках из Хотана, Иоткана и Эндарэ. Здесь наличествуют в технике обработки керамики лощение, штамп и резьба, аналогичные обработке предметов из дерева и камня. В терракоте представлены такие сюжеты, как голова льва, сменяющаяся образом античной горгоны, изображения обезьяны, коней, маски с изображением старца. Весьма распространен «аппликационный орнамент» и резьба в виде ромбической сетки. Поселения имеют ломаный периметр стен, не свойственный прямоугольному плану авестийских поселений. Культура Алтын-Тага (оседлых поселений) является свидетельством юго-восточного расселения иранских племен, которые продолжали быть связанными с северноиндийским и восточноиранским центром вплоть до греко-бактрийского времени и не прерывали этих связей в Кушанский период в первые века н. э. Таков характер добуддийского периода поселений Хотана—Алтын-Тага, составляющий первый этап их развития.

Культурно-этническая, а следовательно, и политическая связанность кушано-иранского мира Алтын-Тага—Хотана была серьезным препятствием в освоении этих оазисов китайской культурой. Военное покорение и присоединение оазисов началось при императоре Вуди (140—87 гг. до н. э.). Однако частые отпадения из-под китайского протектората «западных владений» приводят к необходимости в I в. н. э. организации крупной военной экспедиции под руководством Бан Чао. Характерно, что конечным пунктом глубокой разведки типа путешествия Чжан-Цяня (II в. до н. э.) или военных походов от Ли Гуанли (конец II в. до н. э.) до Баньчао (I в. н. э.), связанных с умиротворением «западных владений», являются средне-

азиатские территории от Тяньшаня и Ферганы вплоть до верховий Аму-Дарьи, т. е. Тохаристана. Очевидно, спокойствие на отрогах Алтын-Тага и Гиндукуша обеспечивалось покорением или хотя бы установлением добрососедских отношений со среднеазиатским Севером. Народы Средней Азии были в конце I тысячелетия до н. э. и первых веках н. э. политическим оплотом и культурно-этническим союзником населения южной части Восточного Туркестана.

Усиление этой роли произошло с того момента, когда Тяньшань стал гуннским, что усилило политические позиции севера, т. е. Средней Азии¹. не ослабевшие и в I тысячелетии н. э., во всяком случае до Танской эпохи: об этом свидетельствуют такие факты, как проникновение и развитие по этому пути кушанского буддизма со времени Канишки с его эллинистически-гандарскими чертами в южных оазисах Восточного Туркестана; этот буддизм проник до северо-западного Китая, где он создал шедевры хотаньской скульптуры и отложил черты иранской архитектуры в культурных сооружениях оазиса Мирана, прямо переключившиеся с архитектурными элементами раннего Ирана,—ахеменидским Персеполем². И хотя со временем в Восточном Туркестане явно наступает китайская культура, все же и в I тысячелетии н. э. в уже буддийской культуре оазисов алтынтагского Синьцзяна продолжают настойчиво звучать ее северные связи (от северной Индии до Средней Азии) и историко-культурные общности, создающие ее особый колорит и индивидуальные особенности. Культура Алтын-Тага—Хотана является наследницей кушанского историко-культурного мира, политические центры которого лежали в границах древних среднеазиатских государств.

В свете этих положений становится понятным, что согдийская колонизация в Восточном Туркестане VI—VIII вв., дошедшая до Денъ Хуана, являлась лишь логическим продолжением тех историко-культурных связей, которые почти на тысячелетие раньше уже сложились между Алтын-Тагом и Средней Азией. Но к этому мы еще вернемся ниже.

Этапы развития севернотаримских оазисов, лежащих к югу от Тяньшаня, были несколько иными.

С одной стороны, судя по письмам документов языков I и II, т. е. кучарско-турфанских и хотанско-сакских, между южнотаримским и севернотаримским оазисами были культурно-исторические связи, однако культурные особенности земледельческих оазисов для ранней эпохи не выступают так ярко, как в Хотане—Алтын-Таге. Быть может, это является результатом слабого археологического изучения, а всего вероятней, что культура севернотаримского круга поселений дольше была под воздействием сако-усуньской среды, непосредственно связанной с Тяньшанем. Это предположение основывается на прямых свидетельствах китайских источников, все время указывающих на аналогии в обычаях местного населения в эпоху старших и младших Хань, т. е. со II в. до н. э. до начала III в. н. э., с культурой аборигенов Тяньшаня алая-саков и усуней. Вместе с тем севернотаримские оазисы испытывают на себе сильное воздействие западных влияний, создающих им совершенно своеобразное лицо только с середины I тысячелетия н. э., отраженное как в памятниках буддизма, так и в документах языка I A и B. Мы имеем в виду незнакомые для южнотаримских оазисов два ярко выраженных культурных влияния. Это, во-первых, византийский антик, согласующийся индоевропейскими элементами языка I A и B, т. е. диалектами кучар-

ским и карашарско-турфанским. Во-вторых, сассанидский Иран представлен здесь в таких элементах как неоднократное употребление орнаментального круга из перл с живственным посередине (например, утка, держащая в клюве гирианды, или изображение в таком же круге головы кабана в росписях пещер Кизыла в Кучаре)¹. Сюда же относятся находки сассанидских тканей в Астане (оазис Турфана) с геральдическими растительно-животными композициями. Бросается в глаза в буддийских росписях широкое воспроизведение корон сассанидских царей—Шапура II, Бахрам-Гура, диадем с орнаментом в виде зигзагов с точками по углам, трехрогих шляп сассанидских (эфталитских) воинов. В архитектуре наличествует роспись плафона, воспроизводящая световое отверстие в потолке, встречающееся в архаических постройках не только в памирских и припамирских странах (например, в Афганистане), но имеющее себе параллели и на Кавказе; формально типологически оно представляет собой восходящее к тундую световое и дымовое отверстие в куполе кочевой кибитки. В Кучарском оазисе бордюр фрески подчас имеет любопытные росписи, имитирующие орнаментальный архитектурный мотив, известный под названием сассанидских городков. Такова одна группа явлений—связанных с так наз. сассанидским кругом. Вторая группа, представленная прежде всего фресками Кучара (Кумтура, Кизил, Кириш), несет в себе явно византийские элементы. Укажем на наиболее яркие детали. Сюда относится частая трактовка буддийских персонажей в духе византийских аскетов. Подобно тому, как в гандарском искусстве, как блестяще показал Фушэ², будда (особенно будда Авалокитешвара) меняет аполоновский прототип с его античной туникой на скульптурную реплику распятого Христа, подобно этому кучарские фрески меняют гандарские модели на образы византийско-христианских аскетов. Мрачная палитра красок с преобладающими темными красками, своеобразный пуантилизм, идущий от подражаний византийским мозаикам, весьма характерный репертуар костюмерных деталей (диадемы с инкрустацией, обилие украшений, покрытых зернью, и т. п.), наконец, преобладание европейского типа в изображениях буддийского пантеона («кавказский» тип по Грюнведелю),—все это красноречиво свидетельствует о мощной византийской струе в культуре севернотаримских оазисов³.

Ясная датировка указанных объектов—от V до VIII вв. н. э. указывает пути поиска к объяснению этих явлений.

Сассанидское и византийское влияния обнаруживаются прежде всего непосредственно за Тяньшанем к северу, в городах и поселениях долины Талас и Чу. Сассанидские элементы мы неоднократно отмечали в своих отчетах по археологическому обследованию указанных районов, считая даже, что синкретические формы орнамента на шелковых тканях (сассанидский круг с китайским лотосом) происходят из Семиречья. Сассанидообразные круги из перл были обнаружены в Таразе на Таласе и в Сукулукском поселении Чуйской долины. Там же нашли свое широкое распространение сассанидские городки. Западноазиатские элементы в искусстве, не только с узко сассанидской территории, ярко представлены в терракоте⁴.

¹ С. О л ь д е н б у р г, Русская Туркестанская экспедиция, СПб., 1914.

² A. F o u c h e r, L'Art Greco-Bouddhique du Gandhâra, Paris, 1905.

A. G r ü n w e d e l, Alt-Kutscha. См. особенно выразительные в этом отношении росписи Кызыла, ук. соч., т. III—IV, рис. 2, XIX, XX, XXIII.

³ «Согдийская колонизация Семиречья», КС ИИМК, VI.

⁴ «Памятники старины Таласской долины», Алма-Ата, 1941; «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала». Фрунзе, 1941.

Византийское влияние выявлено главным образом в варварских подражаниях византийским образцам. Укажу на находку византийских монет на Иссык-Куле, отмеченных М. Массоном¹, клад серебряных вещей из Лебединовки, опубликованный В. Городецким²; по моим раскопкам отмечу подражание восточноримскому солиду V в. из Тараза³, подражание византийским монетам первой половины VII в. в брактеатах из Сукулуга⁴, идентичность резной кости и ее орнаментации с коптско-византийскими образцами, изданными в сводке Вульфа⁵, и многое другое.

Другими словами, основные культурные влияния сассанидского Ирана и Византии, отмеченные нами для памятников севернотаримских оазисов, главным образом Кучара, т. е. к югу от Тяньшаня, представлены полностью к северу от Тяньшаня в долинах Таласа и Чу. Очевидно, что генезис этих явлений надо искать в общности исторических судеб указанных районов.

Время этих явлений—это время господства западнотюркского каганата.

В истории этого государственного образования выступает его широкая международная активность, включившая в орбиту своих действий расположенные к западу от него народы и государства вплоть до Византии. Факт этот широко известен и подробно освещался в литературе. Характерной особенностью государства западных тюрков была их веротерпимость, привлекавшая внимание широкой эмиграции—вначале манихейцев-сирийцев, впоследствии согдийцев-зороастрийцев. Характерно, что на Таласе была нами найдена древнейшая сирийская надпись, прочитанная А. Я. Борисовым, надпись, на столетие старше несторианской надписи в Сианьфу (надпись в Сианьфу VII в.)⁶. По мнению В. Радлова, одна из древнейших манихейских рукописей на уйгурском языке—Хуастуанит (покаянная молитва манихейцев) происходит из северного Притяньшанья⁷. Факты из этого цикла можно было бы намного увеличить; все они свидетельствуют, что манихейцы, и среди них сирийцы, являющиеся одними из носителей византийской культуры, опираясь на политическую поддержку тюркского каганата, внесли ее в области, занятые тюрками, как к северу, так и к югу от Тяньшаня. Мы уже не говорим о прямых связях тюрков с Византией, возникших со времени посольств Маниаха и Земарха. Сассанидские мотивы в Кучаре объясняются нами из факта согдийской колонизации, перешедшей через Тяньшань по пути Согд-Шаш, Талас-Чу, а не через Фергану, как автор пытался доказать в другом месте⁸.

Археологические находки А. Стейна в Кучаре кочевой культуры тюрков VI—VIII вв. свидетельствуют, что с глубоких времен севернотаримские оазисы находились под воздействием кочевников и, главным образом, тюрков. Очевидно, что отсюда и через оазис Хами шло проникновение западных влияний дальше на Восток (но не через юг), нашедшее свое

¹ «Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии», «Материалы Узком-стариса», вып. 5, Ташкент, 1933, стр. 9 (византийский золотой солид Ираклия 610—641 гг.).

² «Серебряные сосуды из курганов с. Покровское, Пишпекского уезда», «Известия Средазкомстариса», вып. 1, Ташкент, 1936.

³ ВДИ, 1939, № 4.

⁴ «Историко-культурное прошлое Северной Киргизии...», стр. 17.

⁵ Oskar W u l f f, *Altchristliche und Mittelalterliche Byzantinische und Italienische Bildwerke*, I, Berlin, 1909.

⁶ Чтение А. Борисова впервые опубликовано нами в работе «Памятники старины Таласской долины», стр. 21, прим. 48.

⁷ W. R a d l o f f, *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*, СПб., 1909, стр. V.

⁸ Результаты наблюдений в экспедиции 1945 г., о чем предварительные сообщения см. в моей статье «Фергана и Тяньшань», газ. «Сов. Киргизия», 1945, декабрь: «Из истории культурных связей Ферганы и Тяньшаня», сб. К. И. Скрыбину, Фрунзе, 1945.

выражение в карабалгасунской надписи¹, в наличии сирийского наставника у представителя киргизской знати², в сирийских документах Хара-Хото³ и, быть может, в появлении византийских монет на Алтае⁴.

Из сказанного следует, что культура севернотаримских оазисов, расположенных к югу от Тяньшаня, неразрывно связана с историей западно-тюркского каганата, основная территория и политические центры которого лежали в Семиречье, т. е. в границах современных республик Средней Азии.

Таковы в основных чертах исторические судьбы восточнотуркестанских оазисов, культуру которых в доисламский период нельзя понять без учета решающего, особенно для севернотаримских оазисов, воздействия культуры племен и народов Средней Азии. Среди разнообразных научных идей и попыток объяснить древнюю культуру Восточного Туркестана, ее возникновение, развитие и особенности, эта сторона не только не принималась во внимание, но даже не упоминалась. В значительной степени это стало возможным только в наши дни, когда интенсивные археологические исследования советских ученых в Средней Азии позволили коренным образом переосмыслить историю и культуру народов Средней Азии, когда выяснились их международные связи. В свете этих новых данных, среди которых особо важную роль в отношении Восточного Туркестана составляли исследования Семиречья, назрела пора коренного пересмотра истории культуры этого замечательного, во многом еще загадочного центра скрещения цивилизаций Востока, одностороннее рассмотрение которых уводило от желаемой ясности их познания.

Мы сознательно обошли здесь вопрос о взаимоотношении языков Восточного Туркестана и не вникли в дискуссию по этому вопросу, которая ведется уже 45 лет. Однако мы не можем не коснуться этого вопроса, поскольку вопрос о языке документов тесно связан с первостепенной проблемой этнического состава населения Восточного Туркестана.

Оставляя за собой право специально возвратиться к обсуждению этого вопроса в особом подготавливаемом нами труде, мы все же сегодня можем менее пессимистично взглянуть на эту проблему, чем Hoernle, который рассматривал спор о языках Восточного Туркестана как дискуссию, базирующуюся на более или менее дискуссионных же этнических или исторических рассуждениях⁵, или как иранист Geiger, который, подводя итоги экспедициям в Восточный Туркестан и накопившимся исследованиям, заключил свое выступление двустихием из Гетевского Фауста:

*«Da muss sich manches Rätsel lösen,
Doch manches Rätsel knüpft sich auch»,⁶*

Думаю, что когда в руки науки, наряду с имеющимися материалами, будут переданы и археологические комплексы, характеризующие повседневную культурную жизнь человека этой замечательной страны, когда

¹ Olaf Hansen, Zur Soghdischen Inschrift auf dem dreisprachigen Denkmal von Karabalgasun, Helsingfors, 1930.

² Ramstedt, Zwei Uigurische Runeninschriften in der Mongolei, JSFO, 1913.

³ Н. Пигулевская, Сирийские и сиро-тюркские фрагменты из Хара-Хото и Турфана, «Сов. Востоковедение», № 1.

⁴ С. Киселев, Находка античных и византийских монет на Алтае, ВДИ, 1940 № 3—4, стр. 360—363.

⁵ R. Hoernle, ук. соч., стр. X: «Some of these names, however based as they are on more or less disputable ethnical historical consideration, has met with general acceptance».

⁶ W. Geiger, Die archäologischen und literarischen Funde in Chinesisch Turkistan und ihre Bedeutung für die Orientalistische Wissenschaft, Erlangen, 1912, стр. 14.

вопрос о языках, принявших ныне алгебраические шифровки (языки I A и B и язык II), будет решаться не только во всем богатстве филологического и формально-лингвистического метода, а в совокупности со всеми данными исторической науки (чем мы еще сегодня не располагаем), наука разрешит, выражаясь словами «Фауста», туркестанскую «загадку».

III. Восточный Туркестан и Семиречье в средние века. Уйгурская проблема

Укрепление позиций Китая в Танскую эпоху на территории Восточного Туркестана часто сменялось серьезными политическими кризисами и уходом из-под власти Китая ряда городов и государств, особенно Хотана, Турфана и Кучара. Деловые китайские документы, обнаруженные в Восточном Туркестане, раскрывают характер китайской колонизации, несущей для населения этих оазисов типично феодальные формы эксплуатации во всех ее разновидностях, но преимущественно раннефеодального типа. Укажу, например, на широкое развитие натуральных поборов и обязанностей по содержанию китайских военных гарнизонов. Наряду с этим широко было развито и казенное земледелие в военных поселениях, ведущее свое происхождение от Ханьской эпохи. Характерны в этом отношении, например, договоры Ран-Мана с гуннами¹—не принимая беглецов из Западного края. Широкая торговая деятельность, способствующая развитию ремесла, дополняет картину феодальных отношений не только у китайских колонизаторов, но и у местного населения. Вскрываемый в уйгурских юридических документах социально-экономический строй Восточного Туркестана в Монгольскую эпоху характеризует новую вспышку отсталых форм феодального типа эксплуатации, где широко представленное патриархальное рабство сосуществовало с кабалой и всеми видами рент. Показательны расписки о продаже в рабство и отдачу в кабалу лиц из местного населения; китайцы фигурируют в весьма редких случаях, в документах только Монгольской эпохи, и то речь идет в них только о кабале, но не о рабстве². Это объясняется положением восточнотуркестанских оазисов как колоний в последовательно сменяющихся государствах Китая и Монгольской империи. Естественно, что социальные протесты, которые возникли в этой стране-колонии со стороны местного населения,—с IX в., главным образом, со стороны уйгуров,—не могут быть иначе рассматриваемы как акты борьбы за независимость, лишь в немногих случаях приведшие к политической самостоятельности—в X в. к образованию самостоятельного Турфанского княжества, а в XI—XII вв. к вхождению их в состав Караханидского государства, где Кашгар получил некоторый доступ к самостоятельной политической организации.

Эти политические подъемы в обоих случаях обеспечены блоком уйгурской знати с царственными домами тюркских государств, политическая экспансия которых была направлена на северо-запад (Караханиды).

¹ См. у нас в статье «Гуннский могильник Ноин-Ула и его историко-археологическое значение», «Известия ООН», 1937, № 4.

² См. нашу работу «Уйгурские юридические документы» «Проблемы Источниковедения», т. III. Аналогичные отношения зафиксированы карошти и тибетскими документами и для более ранней эпохи—VII—IX вв. См., например, документы о рабстве (F. W. Thomas, Two Terms employed in Kharosthi Documents from Chinese Turkestan, BSOS, VI, 1930—1932, стр. 525), об адоптации (T. Burrow, Further Kharosthi Documents from Niya, BSOS, IX, ч. 1. стр. 118, док. 771).

Это был тот период, когда Восточный Туркестан становится Уйгуристаном, когда уйгуры получают возможность оформления своего этнического лица и, более того, выступать в роли культуртрегеров в сопредельных областях.

Буддийская культура Восточного Туркестана, которая со времен Канишки заняла здесь прочные позиции, при уйгурах получает дальнейшее развитие и обогащение. Уйгуры создают новую школу буддийской живописи, резко отличную от манихейской школы¹. Активизация уйгурского буддизма, особенно ясно прослеживаемая в период образования уйгурских княжеств, т. е. со второй половины IX в., затронула и тяньшаньский север, что отмечено нашими археологическими работами. С другой стороны, с конца X и в XI—XII вв. Семиречье с его высоко развитой культурой дарит Уйгуристану мощный поток культурных ценностей, что отмечается не только мусульманской нумизматикой², но также четырехугольными поселениями без цитадели, дошедшими до Хара-Хото и характерными для караханидского времени³, а также обильно представленной глазурованной, типично караханидской керамикой (при отсутствии саманидской), что все в целом объясняется прежде всего вхождением северной части Восточного Туркестана в государство Караханидов и в империю каракитаев, быть может, и монголов.

Развитие ремесла и городов Уйгуристана идет в это время по путям Семиречья, вступая в резкий контраст с китайско-колониальным застойным характером эксплуатации оазисов Восточного Туркестана. О том, что здесь быстро развиваются ремесла и уйгурские города проявляют особенное развитие, свидетельствуют такие факты, как возникновение уже в Минскую эпоху крупных ремесленных центров, предлагающих Китаю в числе посольских даров китайскому императору не только сырье, но и такие предметы как шелк и фарфор⁴. Эти факты, засвидетельствованные китайско-уйгурскими документами XV — начала XVI вв., говорят о мощных ремесленных центрах в оазисах Илибалык (Семиречье), Хами, Хожжо, Турфан и других, которые выросли как раз в районах древнего Уйгуристана. Этот подъем уйгуров продолжался до тех пор, пока они сохраняли свою, хотя бы культурную, самостоятельность, пусть даже в системе других государств, караханидской или монгольской. Только с Циньской династии маньчжуров наступают черные дни для уйгуров, лишившихся политических возможностей раскрытия своих творческих дарований.

Мы можем остановиться здесь только на основных данных, характеризующих историю уйгуров и их культуры в связи с историей того района, в истории которого уйгуры всегда находили политическую опору своего развития, т. е. в Семиречье.

Расселение уйгуров в древности не поддается точной локализации. Очевидно, что в составе уйгуров были племена, которые жили на территории от Байкала до Дуная. Сами уйгуры неоднократно подвергались нападению, раскалывались на отдельные части, распространяясь по новым территориям.

Уже Ф. Хирт полагал, что племена «уге» ханьской эпохи имеют отношение к уйгурам⁵.

¹ Об этом см. Le Q o q, *Die Buddhistische Spätantike in Mittelasien*, вып. II и III.

² Нумизматические находки обработаны Аланом и опубликованы в качестве приложения к работам A. Stein'a «Serindia» и «Innermost Asia».

³ «Innermost Asia», т. III, табл. XVIII.

⁴ Документы эти подготовлены нами совместно с С. Маловым к печати в статье «Уйгурско-китайские документы XV—XVI вв.».

⁵ F. Hirth, *Über die Wolga-Hunnen und Hiong-nu*, SBAW, Phil.-Hist. Klasse, 1899, t. II, B. 2.

Столь же несомненна связь этнонима «уйгур» и «ухун». Учитывая закономерный переход $n|p$ (на примере Ансьи|Арсак), мы в термине «ухун» имеем одну из древних разновидностей этнонима «уйгур».

Не останавливаясь сейчас на вопросе о взаимоотношениях этих уйгуров с четырьмя группами угуров Восточной Европы (упургур, кутургур, отургур и онургур), в свое время рассмотренным В. Радловым¹, недавно М. Артамоновым², отметим, что они (угуры), несомненно, населяли северную часть Семиречья. Основанием к этому предположению служит анализ маршрута Чжи-Чжи шаньюя 49—47 гг. до н. э., который из ставки кыргызов на Енисее двинулся на запад, разбил племена уге (угур) и, повернув на юг, врезался клином между усунями и кангюй, т. е. по р. Талас. Очевидно, что племена уге были разбиты им в районе Северного Семиречья, в Илийской долине³.

С этими древними угурскими элементами были связаны и те прото-уйгурские племена (китайские гаогюй), которые были в конце V в. (492) разбиты жужанями (ханом Даулунь и Нагай), преследовавшими гаогюй к западу от Алтая⁴. К этому протоуйгурскому племени принадлежат и племена юебань, потомки северногуннской коалиции⁵, по языку одинаковые с гаогюй, т. е. тоже восходящие к тому же огузскому племени.

На рубеже V—VI вв. заканчивается развитие гурских племен, т. е. древнего пласта уйгурских племен, который был протоогузским пластом, сохранившимся пережиточно в чувашском языковом островке и, представляющем, по мнению Н. Я. Марра, пример яфетических переживаний в тюркской группе племен и народов⁶.

Восточная часть гузских, огузских племен, вошедших в состав туркмен на Западе и конфедерацию уйгурских племен на Востоке, распадается в силу исторических событий, о которых здесь не место распространяться, на группу северную, или селенгинскую, юго-западную, или синьцзянскую, и северо-западную, или семиреченскую. И это широкое распространение уйгурских племен, одно время слившихся с конфедерацией толес на тохарской основе⁷ севернотаримских оазисов, по сведениям Суйшу⁸, достигло даже Восточной Европы⁹, что связывает протоуйгурскую основу племен, широко раскинувшуюся в V в. с огузскими потомками, занимавшими более скромную (хотя и обширную) территорию по сравнению с той, о которой сообщали китайские анналы¹⁰.

¹ «К вопросу об уйгурах», СПб., 1893.

² «Очерк древнейшей истории хазар», Л., 1936.

³ А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, Фрунзе, 1941, стр. 48—51.

⁴ Вэйшу, гл. 103, л. 7-а, «Даулунь чуцзи Суньги шань бай, эр си Нагай пзы чу Цзиньшань». У И. Бичурина («Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», СПб., 1851, ч. 1, стр. 224) несколько иной перевод.

⁵ А. Бернштам, Из истории гуннов I в. до н. э., «Советское Востоковедение», т. I.

⁶ «Чуваши—яфетиды на Волге», Чебоксары, 1926.

⁷ Об этом см. W. B. Henning, «Argi and the «Tokharians», BSOS, 1938 т. IX, ч. 3. См., например, тюркские (уйгурские) переводы с тохарского (в свою очередь, перевод с индийского)—F. W. K. Müller, Beitrag zur genaueren Bestimmung der unbekannten Sprachen Mittel-Asiens, SPAW, 1907; ср. И. Умняков, Тохарская проблема, ВДИ, 1940, № 4.

⁸ См. раздел о Теле, Суйшу, гл. 84, д. 19—20.

⁹ F. Hirth, Nachworte zur Inschrift des Tonjuquq, ATIM, 2 Folge.

¹⁰ По представлению Суйшу толесы, куда входили уйгурские племена, были распространены от р. Толы на север до Байкала, а на западе доходили до р. Ало (Итиль-Волга) и Фулинь (Сирия). Среди западных «толесов» упоминаются, наряду с аланами, и «ухун»—угуры (Суйшу, гл. 84, л. 19а). Очевидно, что под именем толес китайцы описывают распространение в V—VI вв. всех тюркских племен, в том числе и древних уйгур.

Селенгинская группа, вследствие поражения ее кыргызами Яглакар-хана¹ распадается в IX в., количественно увеличивая синьцзянскую², и отчасти семиреченскую³ группу уйгуров.

В то время как синьцзянская группа увеличивается количественно и стабилизируется политически, семиреченская группа уйгуров растворяется в среде других тюркских племен западнотюркского каганата и в карлукской политической конфедерации Семиречья⁴.

Однако, несомненно, взаимодействие между синьцзянскими и семиреченскими уйгурами продолжается, что документировано как проникновением из Синьцзяна уйгурских школ буддийской живописи⁵, так и заимствованием уйгурами, через тюркешское посредство, согдийского курсива из Семиречья⁶.

Уйгуры в Семиречье, как это следует из китайских источников монгольского времени⁷, продолжали традиции согдийских колонистов в экономике и культуре, но, будучи менее ортодоксальными буддистами, чем согдийцы,—зороастрийцами, быть может, первые на востоке Средней Азии стали ревнителями ислама, подобно тому как прежде представляли манихейство⁸.

Синоним китайского «хойху» и «мусульманин» мог быть рожден только в Семиречье, скорей всего в Чуйской долине и на Таласе с их развитой городской жизнью в средние века⁹.

И не так уже невозможно искать в скрещении «хойху» и каракитаев, завязь того этнического процесса, который породил начало, а, быть может, содействовал ускорению ранее начавшегося процесса скрещения, давшего новое этническое образование—дунган, исследование истории кото-

¹ Об Яглакар-хане см. нашу работу «Историческое прошлое кыргызского народа». Фрунзе, 1941 (есть на кирг. яз.); см. также нашу статью «Кыргыз элинин тарихиндеги уч адам», «Советтик Кыргызстан», 1943, № 4, стр. 71 и сл.

² Конфуцианская реакция в Китае в 840-х гг. отбросила бежавших в Китай уйгур в Синьцзян, а «манихейские: рукописи и буддийские образы сожгли»: «Мони шу, жосян, шао», Тан-шу, гл. 2176, л. 5а)—см. Ed. Chavannes et P. Pelliot, *Un traité manichéen retrouvé en Chine, traduit et annoté*, «Journal Asiatique», 1913, январь—февраль, стр. 285.

³ Ср. «Сян Си Чжи юй Пан дэле шиу ду бэнь Гэлоду»—«Высший чиновник Сячжи с Пантегином и 15 аймаками бежали (к) карлукам», (Тан-шу, гл. 2176, л. 26). Кар-руки в это время (840 г.), как известно, господствовали в Семиречье. У И. Бичурина несколько иной перевод (см. ук. соч., стр. 419).

⁴ Ed. Chavannes, *Documents sur les Toukiou Occidentaux*, СПб., 1909.

⁵ А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 94; Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала, Фрунзе, 1943, стр. 22.

⁶ А. Бернштам, Согдийская колонизация Семиречья, КС ИИМК, 1940, VI; не безинтересен тот факт, что для владельца Ферганы Арслан Тархана, происшедшего из племен Чигиль (Иссык-куль) манихейская рукопись была написана уйгурским шрифтом (Le Qoq, *Türkische Manichaica aus Chotscho*, I, Anhang, AKAW, Berlin, 1911; по мнению В. Радлова, покаянная молитва манихейцев—Хуастунит происходит из Северного Притяньшанья (W. Radloff, *Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer*, СПб., 1910).

⁷ По Юаньши, уйгуры («вэйбуэр») живут к северу и югу от Тяньшаня. Представления эти в китайской литературе складываются с X в., когда они делят уйгуров на два государства—одно на Тяньшане, другое в Ханчжоу, Хуачжу и Шачжоу. См. Bretschneider, *Mediaeval researches from Eastern Asiatic Sources*, London, 1888, t. I—II.

⁸ См. E. Chavannes et P. Pelliot, JA, 1911, 1913; Prosper Alfarié, *Les Écritures Manichéennes*, Paris, 1918; cp. M. F. Grenard, *La Légende de Satok Boghra Khan et l'Histoire*, JA, 1900, янв.—февр., IX сер., т. XV.

⁹ В. Бартольд, Очерк истории Семиречья, Фрунзе, 1943, стр. 41. О городах Чуйской долины см. А. Бернштам, Археологический очерк Северной Киргизии, стр. 66 сл.; Памятники старины Таласской долины, Алма-Ата, 1941, стр. 43 сл.; J. Marquart, *Guwaini's Bericht über die Uiguren*, SPAW, 1912, стр. 486—502.

рых доселе не уходит, по существу, дальше народных этимологий; документально точные повествования начинаются только с Биянху¹.

Связывая Мавераннахр с Синьцзяном, уйгуры Семиречья, являясь носителями синкретизма великих цивилизаций, выступали не на последнем месте и в эпоху Караханидов XI—XII вв.² и при монголах в XIII—XIV вв.³

И то, что в XV в. в числе донесений к Минским императорам наличествуют уйгурско-китайские письма из Илибалыка⁴, подтверждает факт широкого распространения уйгуров в Семиречье, их роль в развитии культуры, о чем говорит венская рукопись Кудатку Билик, написанная уйгурским шрифтом⁵.

Из сказанного следует, что история Восточного Туркестана с IX в. так же, как и в предшествующую эпоху, неразрывно связана с историей нашей территории, народы которой являлись активными помощниками в деле не только культурного развития, но и политического самоопределения Уйгуристана. Среди многочисленных фактов, которые можно было бы привести в этой связи для последующего времени (с XVI в. и позднее) укажем на активную роль киргизов в борьбе с потомками монголов в государстве Могулистан, включавшем в свои границы и часть оазисов Туркестана, укажу, далее, на такие факты, как активную роль киргизов в свержении калмыцкого господства в 1758—1760 гг., что отмечали сами китайцы. И если дальнейшая судьба Уйгуристана не была связана с независимостью уйгуров, то этому причина ослабление их в результате политического господства монголов и калмыков и отсутствия поэтому прочного союза с народами Средней Азии.

IV. Выводы

Кратко резюмируя сказанное в отношении основных этапов исторического развития Восточного Туркестана, мы должны указать следующее:

¹ Восстания дунган 1861—1876 гг.

² Достаточно указать на теорию об уйгурском происхождении Караханидской династии, несомненно имеющую за собой не мало оснований (В. Григорьев, Неизданные монеты уйгурских владельцев Мавераннахра, «Ученые Записки Казанского университета», 1863, вып. 1, Казань, 1865, стр. 1). Об уйгурах этого периода см., кроме вышеуказанных работ Гренара, Маркварта, Шаванна и Пелльо, также Р. Pelliot. «Kao tsch'ang, Qoco, Hoio-tcheou et Hodja», JA, 1912, сер. X, т. XIX.

³ Роль уйгуров при монголах прекрасно вскрывается уйгурскими документами, изданными В. Радловым и С. Маловым («Uigurische Sprachdenkmäler», 1928), что мы отмечали в статье «Уйгурские юридические документы», «Проблемы востоковедения», т. III, М.—Л., 1940. Аналогичное значение имеют уйгуры и ранее, в XI—XII вв. когда они в Синьцзяне шире пользуются официальным для того времени арабским письмом в юридических документах, но подписываются по-уйгурски. См. M. Cl. Huart, Documents de l'Asie Centrale (Mission Pelliot), Trois Actes Notariales Arabes Jarkend, JA, 1914, IV). Документы датированы 1096, 1112, 1114 гг. При монголах, когда конкуренция арабской культуры ослабевает, возобладал уйгурский шрифт. «Автономизацию» уйгуров после падения династии Караханидов Г. Вернадский датирует 1209 г., когда они начали играть большую роль в Монгольском государстве (см. G. Vernadsky, Notes on the History of Uigurs in the Late Middle Ages, JAOS, т. 56, № 4, стр. 458—461; ср. его статью «A propos des origines du servage de kabala dans le droit russe», «Revue Historique de Droit», 1935).

⁴ J. Klapproth, Abhandlung über die Sprache und Schrift der Uiguren, Paris, 1812; E. Breitschneider, Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources, London, 1910. т. II, стр. 182—183; Д. Позднеев, Исторический очерк уйгуров, СПб., 1899, стр. XIII. В рукописном отделе Института востоковедения АН СССР мы обнаружили списки этих документов в качестве приложения к уйгурско-китайскому словарю (РКП № 396), которые являются предметом нашей совместной работы с С. Е. Маловым на тему «Уйгурско-китайские документы XV—XVI вв.».

⁵ Полное издание: W. Radloff, Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass Hadschib aus Balasagun, SPB, 1891—1910.

1) В сложной истории Восточного Туркестана отчетливо выступают разносторонние связи с народами Средней Азии, особенно для северных оазисов. Этот тезис стал ясен в свете успехов советской археологии по истории культуры народов Средней Азии, связанных с подъемом археологической работы за последние годы. Не будет преувеличением сказать, что особое значение в серии этих работ имеют археологические исследования в Семиречье, логическое продолжение которых неизбежно приводит на территорию современного Синьцзяна.

2) Народы Средней Азии всегда оказывали народам Восточного Туркестана политическую поддержку, помогали им в борьбе за независимость; союзы с народами Средней Азии обеспечивали Восточному Туркестану большую автономию, чем государственные образования, превращавшие Восточный Туркестан в колонию. Политические союзы с народами Средней Азии обозначали для народов Восточного Туркестана этапы их наибольшего исторического развития и ликвидации старых, застойных социально-экономических отношений.

3) Указанные особенности исторического развития народов Восточного Туркестана приводили к все более нарастающим общностям культурного и этнического характера, ярче всего раскрываемым в возникновении и развитии уйгурского народа и его культуры. Уйгурский народ и его культура целиком и полностью были связаны с историческими судьбами тюркоязычных народов Средней Азии, предков современных казахов, киргизов, узбеков.

4) Таким образом, основные проблемы историко-культурного изучения Восточного Туркестана являются частью историко-культурных проблем Средней Азии.

Наряду с влиянием Китая, Индии, Тибета и Монгольских степей в области политической истории, культуры и этногенеза влияния, шедшие со стороны Средней Азии, были, во-первых, одними из самых древних, во-вторых, постоянно действующими, в-третьих, наиболее прогрессивными.

Проблемы истории Восточного Туркестана тесно связаны с изучением истории Средней Азии; их исследование—в первую очередь задача советского востоковедения, а в их разрешении должен участвовать солидный коллектив ученых разнообразных специальностей, прежде всего—китаисты, тюркологи, арабисты и иранисты и представители различных отраслей гуманитарного знания, т. е. историки, археологи, филологи и языковеды.

Не только традиция приоритета в изучении Восточного Туркестана, но фактическое содержание проблем, их научный аспект приводят к выводу, что советскому востоковедению, наследнику лучших традиций русской науки, должна принадлежать в этом научном предприятии ведущая роль.